

По разному складывалась военная судьба прошедших через фронты Великой Отечественной. Чаще всего в нашем восприятии участники боев — это герои, которые не жалели жизни в борьбе с врагом. Была же и другая сторона войны — плен. О ней как-то не принято было говорить. Но ведь там тоже были люди, наши солдаты, для большинства из которых пленение стало большой жизненной трагедией. Прошел через плен и Михаил Дмитриевич Васин, житель Вожей. Слово ему, ветерану войны и труда.

В одиночку было не выстоять

— Мне долго после войны снился лагерь — полицаи в черных шинелях с белыми повязками, собаки. Охраняли нас эстонцы, латыши. Их жестокости можно было только удивляться. Били пленных по любому поводу, били жестоко, до смерти, немцам в жестокости не уступали. Возможно, стремились оправдать свой хлеб.

Не передать словами всех чувств, которые переживал, оказавшись в плену. Случилось это в ноябре 1941 года. К началу войны я три месяца прослужил в кадровой армии, учился в Костроме в полковой школе младших командиров. С первых дней войны — фронт. Я командир отделения разведки в артиллерийском полку. Направление — Ленинград, Псков. В нашу задачу входила разведка местности для позиций пушек, связь с передним краем. Не доходя до города Остров, попали в окружение. Места там болотистые, тащили пушки, пробивались с боями. Вышли к Пскову. Город горел. Нас поставили на оборону штаба дивизии. И снова отход. Не помню уж теперь название места, где форсировали довольно-таки широкую реку. Мост немцы уже взорвали, нам удалось перебраться более-менее благополучно, а кто шел после нас рассказы-

ные врачи, говорили, что глухота не пройдет. Но одно ухо отошло. Нашли меня тогда, беспомощного, у дороги эстонцы и сдали немцам. Так началось мое скитание по лагерям.

Лагеря менялись один за другим. В Эстонии вначале было очень трудно. Лагерь огромный, люди умирали от голода, холода, да что там говорить, вши пошли, а затем и тиф. После Эстонии — лагеря Латвии. И всюду смерть, смерть. Держались те, кто был покрепче здоровьем. Полегче было все-таки в лагерях, которые поменьше, как, например, на торфоразработках, там хоть кормили немного. В Латвии работали в основном на железной дороге — грузили шлак, уголь, лес, другие грузы.

Пригодилось мое умение плести лапти. Пленные ходили в колодках, а это же страшное дело — все ноги в кровь стирали, да и холодно в них, а зимы были суровые. Лапти же помягче, наберут мужики мешков изпод цемента, обернут ноги — и в лапти. Тепло, нога в мягкой обуви. Немало я их переплел, ведь рвалась эта, так сказать, обувь очень быстро.

От смерти спасало не только здоровье. В плену невозможно было выжить в поодиночку. Люди группировались, помогали друг другу. То

мытарства, располагался в городе Виндау. В 1945 году пришли сюда наши войска. Как не передать всех чувств, пережитых при пленении, так и невозможно выразить словами все, что переживали при освобождении. Пройдя проверочную комиссию, снова оказался в артиллерийском полку, на этот раз в запасном. Вплоть до демобилизации в 1946 году служил в Ленинграде.

Судьба моя сложилась так, что пребывание в плену не сказалось на моей последующей жизни. Жаловаться мне не на что, никогда ни от какой работы не отказывался. Десять лет слесарил в РТС, слесарному делу учился еще до армии. Как-то само собой получилось, что потихоньку начал и мебель делать. Да и так, за что ни возьмусь, все сделаю. Ведра, например, для совхоза делал, когда их в продаже не было, многое другое. Потому меня и пригласили в школу на должность преподавателя производственного обучения, где проработал тридцать два года. Преподавал слесарное, столярное дело. И сейчас, уже выйдя давно на пенсию, без дела не сижу. То дома что-то надо поделывать, то в совхозе попросят. Так и идет время, в хлопотах-

войны сменял лагерь
полицай в черных шинелях с белыми повязками, собаки. Охраняли нас эстонцы, латыши. Их жестокости можно было только удивляться. Били пленных по любому поводу, били жестоко, до смерти, немцам в жестокости не уступали. Возможно, стремились оправдать свой хлеб.

Не передать словами всех чувств, которые переживал, оказавшись в плену. Случилось это в ноябре 1941 года. К началу войны я три месяца прослужил в кадровой армии, учился в Костроме в полковой школе младших командиров. С первых дней войны — фронт. Я командир отделения разведки в артиллерийском полку. Направление — Ленинград, Псков. В нашу задачу входила разведка местности для позиций пушек, связь с передним краем. Не доходя до города Остров, попали в окружение. Места там болотистые, тащили пушки, пробивались с боями. Вышли к Пскову. Город горел. Нас поставили на оборону штаба дивизии. И снова отход. Не помню уж теперь название места, где форсировали довольно-таки широкую реку. Мост немцы уже взорвали, нам удалось перебраться более-менее благополучно, а кто шел после нас, рассказывали, что немецкие самолеты просто поливали плывущих по реке огнем, вода в реке красной стала от крови.

Под Старой Руссой от нашего полка осталась только часть — кто-то погиб, кто-то потерялся, ведь порой было не понять, где наши, а где немцы. Перевели нас уже в другой стрелковый полк, по железной дороге отправили в Эстонию в направлении Нарвы, Тарту. И опять окружение. Неподалику от Финского залива попали мы под сильный артиллерийский обстрел. Здесь меня и ранило. Был без сознания, а когда очнулся, то вокруг тишина, даже напугался. Только тишина эта была от того, что я ничего не слышал. Уже потом, в лагере, меня осматривали военноплен-

одно ухо отшло. Нашли меня тогда, беспомощного, у дороги эстонцы и сдали немцам. Так началось мое скитание по лагерям.

Лагеря менялись один за другим. В Эстонии вначале было очень трудно. Лагерь огромный, люди умирали от голода, холода, да что там говорить, вши пошли, а затем и тиф. После Эстонии — лагеря Латвии. И всюду смерть, смерть. Держались те, кто был крепче здоровьем. Полегче было все-таки в лагерях, которые поменьше, как, например, на торфоразработках, там хоть кормили немного. В Латвии работали в основном на железной дороге — грузили шлак, уголь, лес, другие грузы.

Пригодилось мое умение плести лапти. Пленные ходили в колодках, а это же страшное дело — все ноги в кровь стирали, да и холодно в них, а зимы были суровые. Лапти же помягче, наберут мужики мешков изпод цемента, обернут ноги — и в лапти. Тепло, нога в мягкой обуви. Немало я их переплел, ведь рвалась эта, так сказать, обувь очень быстро.

От смерти спасало не только здоровье. В плену невозможно было в ы ж и т ь поодиночке. Люди группировались, помогали друг другу. То съестного кто-то достанет, то еще что-нибудь — делились, никого не обижали. И никто тогда не думал о национальности. Были у нас в лагерях и узбеки, и грузины, и армяне, люди других национальностей. Жили мы очень дружно, потому, наверное, и выдержали, выстояли в условиях, в которых по-другому и не выжить.

Случалось, что и убежали некоторые пленные. Но ни один побег не закончился удачей. Этих несчастных расстреливали там, где настигали. Правда, однажды одного привезли в лагерь и расстреляли при всех, видимо, для нашей острастки.

Последний лагерь, в котором закончился мой

году пришли сюда наши войска. Как не передать всех чувств, пережитых при пленении, так и невозможно выразить словами все, что переживали при освобождении. Пройдя проверочную комиссию, снова оказался в артиллерийском полку, на этот раз в запасном. Вплоть до демобилизации в 1946 году служил в Ленинграде.

Судьба моя сложилась так, что пребывание в плену не сказалось на моей последующей жизни. Жаловаться мне не на что, никогда ни от какой работы не отказывался. Десять лет слесарил в РТС, слесарному делу учился еще до армии. Как-то само собой получилось, что потихоньку начал и мебель делать. Да и так, за что ни возьмусь, все сделаю. Ведра, например, для совхоза делал, когда их в продаже не было, многое другое. Потому меня и пригласили в школу на должность преподавателя производственного обучения, где проработал тридцать два года. Преподавал слесарное, столярное дело. И сейчас, уже выйдя давно на пенсию, без дела не сижу. То дома что-то надо поделывать, то в совхозе попросят. Так и идет время, в хлопотах то и жить интересней. Вот и молодежи всегда наказываю не шархаться из стороны и стороны. Больно уж сейчас модно стало жаловаться на плохую жизнь. Но для того, чтобы она улучшилась, работать надо, без трудностей ничего в жизни не достигнешь. Потерпеть надо, все равно придет время, когда наладится все у нас, только бы войны не было. Хотя в наши дни по радио, телевидению то и дело можно слышать сообщения о военных событиях то в одном, то в другом регионе бывшего Советского Союза. Воювали наши солдаты в Афганистане, теперь воюют в Таджикистане, в других горячих точках. Обидно и больно, что такое происходит.